

Памяти Божидара Ферьянчича

Г.Г. Литаврин

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ДОХОДНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ВИЗАНТИИ в X–XI вв.¹

В последнюю четверть века достигнуты особенно большие успехи в изучении экономической истории и налоговой системы Византии, стимулированные прежде всего комментированным изданием и переизданием монастырских актов Афона. В ходе работы над ними был заново подвергнут анализу практически весь наличный фонд источников, и среди них в первую очередь “Пира” Евстафия Ромея, новеллы императоров Македонской династии и налоговые трактаты. Многие были объяснены впервые, многое уточнено, а часть признанных ранее представлений либо поставлена под сомнение, либо отвергнута. (Так, например, вместо казавшегося неизбежным тезиса о хозяйственном упадке Византии в XI в. обосновано, напротив, мнение о том, что и XI и XII столетия были временем поистине “экономической экспансии” в империи, включая аграрный сектор.)²

В известной мере прогрессу в науке содействовали также поиски в сфере методологии. Стал шире применяться комплексный метод, приемы смежных дисциплин: археологии, демографии, нумизматики, сфрагистики. Плодотворно также применение и аэрофотосъемок территорий исчезнувших деревень и древних границ их пахотных полей, оказались возможными иногда и математические методы.

Среди новейших капитальных трудов по аграрным отношениям и налоговой системе упомяну книги М. Каплана и Н. Икономидиса³. Тем не менее ряд важнейших вопросов по данной тематике остался остро дискуссионным. Среди них – такие кардинальные проблемы, как доходность крестьянского хозяйства в Византии в X–XI вв. Ряд своих соображений на этот счет я и хочу высказать в этой статье.

Поскольку, однако, ученые, обнаружив в ходе работы не мало противоречий в названных выше источниках, сплошь и рядом не совсем четко, на мой взгляд, определяли наиболее приоритетные среди них, оценивая их в равной мере репрезентативными и во всяком случае отдавая решительное предпочтение именно сведениям актов Афона, постольку считаю необходимым сделать еще раз ряд замечаний по крайней мере о монастырских актах и налоговых трактатах.

¹ Данная статья в основном была написана в 1995 г. в Dumbarton Oaks. Некоторые из ее положений я высказал в докладе в апреле 1997 г. в Collège de France.

² *Svoronos N. Remarques sur les structures économiques de l'empire byzantin au XIe siècle // TM. 1976. Vol. 6. P. 67. Cf.: Harvey A. Economic Expansion in Central Greece in the Eleventh Century // Byzantine and Modern Greek Studies. 1982/83. 8. P. 9, 21–28, 47–48; Idem. Economic Expansion in the Byzantine Empire: 900–1200. Cambridge, 1989. P. 140–142, 247; Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle. P., 1992; Lefort J. Rural Economy and Social Relations in the Countryside // DOP. 1993. Vol. 47. P. 103, 106–108; Hendy M.F. The Economy: A Brief Survey // TO ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. Vol. I. New Rochelle. New York, 1994. P. 141–152; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1992.*

³ См.: примеч. 2. Следует отметить также оригинальные по методологии и содержанию работы К.В. Хвостовой, посвященные анализу социально-экономической терминологии, правда, в основном более поздней эпохи (см., например, ее книгу: Социально-экономические процессы в поздней Византии и их понимание византийцами-современниками. М., 1992, а также статью в данном томе ВВ).

Среди множества факторов, обуславливавших материальное положение земледельца, следует, видимо, назвать в качестве важнейших основные средства производства (землю и тягловый скот), социальный статус, уровень эксплуатации и доходность хозяйства крестьянина. Если о первых трех факторах мы еще можем составить некоторое представление по существующим на этот счет официальным нормативам, то данные о доходности крестьянского хозяйства особенно скудны, хотя именно от нее в основном зависело материальное благополучие крестьянской семьи. Даже относительно высокая доля изъятия доходов крестьянина государством или собственником земли (или и тем и другим одновременно) не могла поставить земледельца в бедственное положение, если сравнительно удовлетворительным был его ежегодный доход⁴.

Между тем именно эта важная сторона жизни византийской деревни либо совсем не интересовала чиновников фиска (они не говорят об этом ни слова в документах, вышедших из-под их пера), либо же у них имелись на этот счет официально признанные и традиционно соблюдаемые нормативы (и поэтому давно отпала необходимость фиксировать их в инструкциях казначейства). Главными ориентирами служила для них лишь обеспеченность крестьянина упомянутыми средствами производства.

Как в сущности уже сказано, основную массу сохранившихся свидетельств о жизни византийской деревни составляют данные монастырских актов Афона. К сожалению, они немногочисленны, особенно для X–XI вв., и территория, к которой они относятся, невелика. Но главное заключается в самой специфике вышедших из правительственной канцелярии документов, ограничивающая их информативные возможности. Во-первых, историки со времен П. Лемерля справедливо подчеркивают, что монастыри имели обычно исключительные налоговые льготы, и поэтому, строго говоря, монастырские акты недостаточно репрезентативны для суждений о крупном землевладении в Византии в целом, а вместе с тем – и о положении зависимых крестьян, живущих на монастырских землях⁵. Во-вторых, еще более важная в источниковедческом плане особенность жалованных грамот и практиков, или исокодиков (копий-выписок из налогового кадастра, касающихся даруемых императором владений), состоит в том, что в их формуляр вообще не входила задача фиксации общего уровня эксплуатации крестьян⁶. Подобное мнение вскользь порой высказывается в литературе последних лет⁷, однако я не вижу, чтобы оно строго учитывалось при конкретном анализе актовых материалов.

В той их части, которая касалась крестьян, жалованные грамоты сообщают прежде всего о налогах, поступавших в государственную казну с земли и с тех, кто ее обрабатывал. С точки зрения фиска крестьяне делились при этом на шесть главных категорий: свободных крестьян (общинников и хуторян) – собственников обрабатываемой ими земли; свободных крестьян – держателей государственной земли на условиях уплаты телоса; безземельных, уплачивавших уменьшенный налог (капникон) со своего двора и движимого имущества; крестьян, арендующих землю государства в соответствии с официальными нормами договоров об аренде; государственных па-

⁴ Полное согласие с этим тезисом высказывает и Н. Икономидис (*Oikonomidès N. Fiscalité et exemption...* P. 133).

⁵ Par ex.: *Lemerle P. Un aspect du rôle des monastères à Byzance // Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. P., 1967. P. 27 sq.* См. также: *Laiou-Thomadakis A. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977. P. 12; Hervey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire...* P. 5; *Oikonomidès N. Fiscalité et exemption...* P. 122.

⁶ См. об этом: *Литавин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв.: М., 1977. С. 85 сл., 220; Он же. Парик и арендатор // ВВ. 1991. Т. 52. С. 8–9. Cf.: Oikonomidès N. Η Πετρα περί παροίκων // Αφιέρωμα στον Νίκο Ζβωρσίνο. I. Rethymno, 1986. P. 236; Lefort J. Le cadastre de Radolivos (1103), les géomètres et leurs mathématiques // TM. 1981. Vol. 8. P. 275; Kaplan M. Les hommes... P. 257.*

⁷ *Lefort J. Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins au XIe siècle // RH. 1974. N 252. P. 316–317, 326, 341–342; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption...* P. 70–72, 97.

риков, державших землю в казенных имениях на парическом праве; и, наконец, париков частных лиц.

Что касается первых четырех категорий крестьян, то нормы взыскания с них главных налогов или их долей были четко определены, о чем известно не столько по афонским актам, сколько по налоговым трактатам. Что же касается последних двух категорий, т.е. земледельцев, обрабатывавших государственную или частную землю на парическом праве⁸, то акты не дают на этот счет даже относительно точного представления об уровне их эксплуатации. Мы знаем, что, согласно практике 1073 г., парики казенных имений платили за свои держания ренту в размере обычной арендной платы (1 номисма с 10 модиев)⁹. Арендная плата за запустевшие и ставшие класмными земли включалась в ридзу данного налогового единства и вместе с поземельным налогом фиксировалась в акрости-хе стаси в кадастровой описи¹⁰. Однако нет оснований утверждать, что подобная операция производилась и с рентой париков имений государства, а тем более – частных лиц. Совокупная рента париков имения казны учитывалась соответствующим учреждением в своем общем доходе от имения, управители такого казенного имения имели роспись рентных платежей по стасям, но эти данные не вносились в налоговые кадастры, так как являлись видом взносов по частному (парическому) праву и не имели отношения к доходам казны от налогов. В практике 1073 г. парический пакт (в виде совокупных сумм в перечнях доходов от пакта и хоропакта) отделен от налога, указанного подворно.

В середине XI в. в связи с налоговой льготой Ивируну была составлена опись стасей париков принадлежавшей монастырю деревни Добровикия. Семьи париков разделены на три группы в соответствии с суммами уплачиваемого налога, который внутри каждой группы абсолютно одинаков (о ренте за держания при этом, естественно, нет и речи)¹¹. В принципе сходная в этом отношении картина предстает и в искодике принадлежащей Ивируну деревни Радоливо, составленном при даровании монастырю новых льгот в самом конце XI – начале XII в.¹² Здесь снова нет ни слова ни о держаниях париков, ни о их ренте в пользу господина (госпожи). Здесь снова парики разделены на группы в зависимости от обладания рабочим скотом и лишь в соответствии с этим критерием (элементарная логика исключает мысль о том, что парики каждой группы предполагали совершенно одинаковыми и по размерам и по качеству держаниями) установлены и нормы налога в казну. Именно этим обстоятельством объясня-

⁸ По убеждению А. Гарвси, различия между свободными крестьянами и государственными париками до сих пор четко не определены (*Harvey A. Economic Expansion in Centrale Greece...* P. 9). Приведя разные мнения на этот счет, Дж.У. Несбит пишет, что по крайней мере в XIV в. не было отличий между государственными и частновладельческими париками: те и другие отличались от свободных собственников тем, что имели землю не в собственности, а только в пользовании и подвергались двойной эксплуатации (*Nesbitt J.W. Mechanisms of Agricultural Production on Estates of the Byzantine Praxika. L., 1973. P. 123*). См. об этом: *Лутаерин Г.Г. Византийское общество...* С. 42–95.

⁹ *BYZANTINA ΕΓΓΡΑΦΑ ΤΗΣ ΜΟΝΗΣ ΠΑΤΜΟΥ, Β' ΔΗΜΟΣΙΟΝ ΛΕΙΤΟΥΡΓΩΝ*, έκδοσ, ὑπό Μ. Νυσταζοπούλου–Πελεκιδού. Ἀθήναι, 1980. Σ. 10.130, 134, 20.316–317. Ряд ученых (в том числе Н. Иконоmidис) полагают, что рента парика в пользу господина земли (частного лица) также обычно определялась этой нормой пакта (*Oikonomidēs N. Fiscalité et exemption...* P. 125 *passim*). Мне не представляется убедительным мнение этого ученого, что синона (в размере 1 номисмы с зевгарата) и капникон (0,5 номисмы с воидата и актимона), уплачивавшиеся париками казенного имения, согласно практике 1073 г., остались и в XI в. особой податью и не имели отношения к телосу (*ibid.*, p. 70–72, 97). В таком случае следовало бы признать, что 51% всех париков имения (6 воидатов и 25 актимонов), кроме капниксна, вообще не платили никакой доли телоса в казну вообще, что абсолютно невозможно (во всяком случае в отношении воидатов).

¹⁰ *Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig, 1927. S. 123.1–5.*

¹¹ *Archives de l'Athos, XV. Actes d'Ivion, I / Ed. par J. Lefort, N. Oikonomidēs, H. Metrevli. P., 1985. N 30. P. 262–270.*

¹² *Actes d'Ivion, II / Ed. par J. Lefort, N. Oikonomidēs, D. Papachryssanthou, V. Kravari, H. Metrèveli. P., 1990. N 48. P. 187–188.*

ется считающийся в историографии загадочным погруппный (для зевгаратов, воидатов и актимонов) униформизм парических платежей¹³.

Рента за полученную париками в держание землю (как и размеры их иных повинностей и самих пахотных участков) конкретно для каждого парика не отражена и в практике 1103 г. для Кали Бакуриани. Так что о норме взыскания ренты в деревне Добровикия мы судить не можем, даже предположив, что первоначально она равнялась обычной арендной плате: со времени получения Смбагом этой деревни в дар из фонда императорских владений прошло много лет и размер ренты к 1103 г. мог уже далеко не соответствовать бывшим правительственным критериям.

В практике 1073 г. при обложении париков государственными налогами, как и в случае с деревнями Добровикия и Радоливо, учтено прежде всего наличие у крестьян тягловых и иных животных. Отличие состоит в том, что в практике воидаты объявлены неимуществами и обложены, как и актимоны, только капником, в Добровикии же и в Радоливо воидаты платили, как это считалось обычным, половину того, что взималось с зевгаратов. Каплан и Икономидис полагают поэтому, что взимаемое с них (как и с воидатов) являлось скорее не телосом, а синоной и капником в качестве особых, отличных от телоса податей¹⁴. Я не согласен с такой интерпретацией¹⁵, разделяя мнение тех исследователей, которые считают, что платежи зевгаратов практика 1073 г., обозначенные как синона, и взносы воидатов и актимонов, названные капником, являются по сути дела телосом и его половиной¹⁶.

В самом деле: недоумение по поводу равного платежа воидатов и актимонов практика 1073 г. рассеется, если принять во внимание, что у воидатов, как и у актимонов, не было участков в личной собственности (в отличие от зевгаратов), а нормой телоса с обеих категорий парических хозяйств была половина доли зевгарата. Если бы телос отличался от синоны и его следовало бы искать в индивидуальных платежах¹⁷, то там же находился бы и телос с воидатов и актимонов. Но их единственный индивидуальный платеж – это только капникон. Он-то, на мой взгляд, и является телосом с них, а синона – телосом с зевгаратов. Этот телос (синона и капникон) и передан как экскуссату Андронику Дуке. Исчисленный же индивидуально налог с зевгаратов вычтен из дохода имения потому, что он будет и впредь вноситься в казну как платеж с собственных парцелл, которыми парики, будучи иподатиками, владели (помимо держаний) и были ответственными за них перед казной по закону.

Особенно очевиден факт исключения из регистрации в правительственных актах ренты париков казенного имения (указаны лишь их налоги) в тех случаях, когда имение перешло в казну (или вернулось) от частного лица (таковы, например, документы, утверждающие пожалования и льготы полководца Льва Кефалы, отличившегося на службе у Алексея I Комнина, а затем и его наследников и, наконец, Лавры св. Афанасия, собственностью которой эти владения оказались в начале XI в.)¹⁸.

В свое время мне приходилось осуществлять подборку свидетельств источников о значительной власти господина над своими париками, в том числе и в определении высоты их взносов за держания¹⁹. Если у нас есть основания утверждать, что усло-

¹³ Cf.: *Svoronos N. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles, le cadastre de Thèbes // BCH. 1959. 83(1). P. 29. Cf.: Lefort J. Fiscalité médiévale... P. 316–317, 326, 341–342; Idem. Iviron, II. Comment. P. 185–186; Oikonomidès N. Fiscalité byzantine et la communauté villagoise au XIe s. // Septième Congrès International d'études du Sud-Est Européen. Rapports. Athènes, 1994. P. 96–100; Kaplan M. Les hommes... P. 484–485, 489.*

¹⁴ *Kaplan M. Les hommes... P. 488–489; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption... P. 70–72, 97.*

¹⁵ Мой анализ практика 1073 г. см.: *Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 53–66. Cf.: Oikonomidès N. Η Πετρα... Σ. 240–241.*

¹⁶ См.: *Каждан А.Л. Деревня и город в Византии. IX–X вв. М., 1960. С. 146; Haldon J. Synone: Reconciling a Problematic Term in Middle Byzantine Fiscal Administration // BMGS. 1994. 18. P. 116–153; Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire... P. 103.*

¹⁷ См., например: *Oikonomidès N. Fiscalité et exemption... P. 70–72, 97.*

¹⁸ *Actes de Lavra, I / Ed. par P. Lemerle, A. Guillou, A. Svoronos, D. Papachrysanthou. P., 1970. N 49. P. 20–26; N 60. P. 313–316; N 65. P. 335–336.*

¹⁹ *Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 93–95; Он же. Парик и арендатор. С. 3–11.*

вия пребывания париков даже в имениях казны могли претерпевать неблагоприятные перемены (как известно, сам император Василий II, стремясь помешать своим парикам обрести по закону через 30 лет прочные права владения на свои участки, а, возможно, также желая расширить в поместье размеры культивируемых земель, часто переселял своих париков)²⁰, то вероятность такого рода изменений в частных владениях крупных земельных собственников была гораздо более реальной. Пример тому – действия двух магнатов из рода Склиров²¹. Прозвол одного из них по отношению к своим парикам достиг столь острых форм, что по жалобе крестьян Склир подвергся судебному преследованию константинопольского судьи Евстафия Ромея. История с париками Склира и нормы официального закона о прочных правах париков через 30 лет непрерывного держания²² свидетельствуют о том, что государство, как видно, сочло себя вынужденным восполнить “правовую лакуну”, в какой-то мере защищая париков (и арендаторов) от своеволия динатов, которое в противном случае могло стать безграничным, а поэтому – социально опасным²³.

В историографии сплошь и рядом выражается сожаление, что правовой статус париков (слабо отраженный в византийском законодательстве) не получил до сих пор убедительной оценки и в научной литературе²⁴. Между тем, как правило, при попытках решения этого вопроса все сводится к сравнительным подсчетам только рентных и налоговых обязательств париков и возможных послаблений в их пользу со стороны господина, получившего налоговую льготу (толкование в этом духе одного примера из “Пиры” осуществил Н. Икономидис²⁵). Этот же автор указал на существенные отличия в оценках парического права магистром Козмой в середине X в. и Евстафием Ромеем в 30-х годах XI в.: первый делал акцент на правах хозяина земли, подчеркивая ограниченность прав париков, второй, напротив, обращал прежде всего внимание на правоспособность париков. Впрочем, по мнению самого Н. Икономидиса, вторая тенденция оказалась кратким правовым эпизодом, обязанным скорее личным качествам судьи Евстафия Ромея, и не получила в дальнейшем развития²⁶.

Я не обнаружил, однако, в литературе попыток серьезного анализа других несомненных признаков парикии, которые имеют прямое отношение к юридическому статусу парика в византийском обществе. Парики со всем их имуществом рассматривались как принадлежность имения. Я имею в виду осуществлявшуюся в качестве вполне законной практику продажи и дарения париков одним господином другому

²⁰ *Practica ex actis Eustathii Romani // Jus Graeco-Romanum / Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856. Vol. I. P. 42; Οικονομίδης Ν. Ἡ Πεῖρα... Σ. 239–241.* Ранее я видел здесь указание на то, что император осуждал частые переселения париков господином (*Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 68*). Г. Вайс полагал, говоря об этом же, что Василий II допускал возможность такого рода переселений только при особых обстоятельствах (*Weiss G. Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaios und seine Kollegen // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 130; Idem. Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Parökenrecht // Byzantion. 1978. XLVIII. P. 492–493*).

²¹ *Practica... P. 89–90, 197 sq.; Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ерван, 1975. С. 78; Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 275–276. Cf.: Weiss G. Hohe Richter... S. 138. Cf.: Seibt W. Skleroi. Eine sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 76; Kaplan M. Les hommes... P. 359; Harvey A. Economic Expansion in Central Greece... P. 42–43.* Гарвей думает, что государство предписывало также и уровень ренты с париков в пользу частных лиц на основе нормативов налоговой системы (*ibid.*, p. 46).

²² По мнению Каплана, такие парики, как и арендаторы, становились подлинными собственниками такой земли через 30 лет; крестьян же, взявших казенные земли в аренду, он безоговорочно считает париками государства, заметив, что различие между ними и арендаторами было исчезающе мало и фактор собственности на землю не имел при этом никакого значения (*Kaplan M. Les hommes... P. 258–259, 260–261, 270, 357, 360–361*). В сущности М. Каплан принимает здесь тезис Н. Звороноса (*Svoronos N. Remarques... P. 59*).

²³ *Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 256.*

²⁴ *Lefort J. Fiscalité... P. 316; Kazhdan A. State, Feudal, and Private Economy in Byzantium // DOP. 1995. Vol. 47. P. 284 sq.*

²⁵ *Οικονομίδης Ν. Ἡ Πεῖρα... Σ. 239–241.*

²⁶ *Oikonomidēs N. The “Peira” of Eustathios Romaios: an Abortive Attempt to Innovate in Byzantine Law // Fontes minores. [s.a.]. VII. P. 190–192.*

или обмена париков на иные доходные объекты. Господин мог переводить париков с уплаты ренты натурой и деньгами на отработки. Париков господа могли даже захватывать друг у друга и насильно переселять с чужой земли на собственную²⁷.

В противоположность этому я не мог отыскать ни единого случая, чтобы даже император, по крайней мере до второй половины XII в., пожаловал частному лицу или правительственной куратории не только деревню, но даже единственный двор (одну стась) свободного налогоплательщика казны, собственника обрабатываемой им земли. (Дарил император и светским лицам, и духовным учреждениям только государственных париков.) Предоставление права (при определенных законом ограничениях) поселить на своей земле в качестве париков разрешенное казной число немущих (арифмос), не плативших налоги, ничего общего с такими дарениями не имеет. Существенен также тот факт, что парики, как правило, селились на земле господина – обстоятельство, усиливавшее их зависимость от него: переселение на новое место (к другому господину) было сопряжено со значительными затратами и было непосильно для большинства зависимых земледельцев.

Исследователи указывают на случаи, когда казна отводила монастырям (дарила или продавала) класмные земли, на которых уже успели поселиться и обзавестись хозяйством крестьяне. Такую землю, считавшуюся класмой, но уже на две трети занятую какими-то земледельцами, в 941 г. купил у казны монастырь св. Андрея²⁸. Закономерно предположить (в документе об этом умалчивается), что теперь эти крестьяне вместе с проданной императором землей переходили к монастырю. Нет, однако, никаких оснований полагать, что это были земледельцы, взявшие у казны землю на условиях уплаты димосия. Специфика положения таких крестьян состояла в том, что они, как и арендаторы, не приобретали прав собственности на полученную землю (ее собственником оставалось государство), но их участки, не говоря уж о них самих, нельзя было произвольно передать кому-либо другому²⁹. Все зависело от того, узаконен или нет был их предшествующий статус до перехода земли к монастырю. Трудно предположить также, что оказавшиеся на купленной монахами земле были арендаторами казенной земли. Скорее всего это были поселенцы, самовольно расположившиеся на ней, пока избежавшие внесения их в налоговые описи и считавшиеся (в противоречие с их фактическим на данный момент имущественным положением) «недатежными». Их самовольные действия не давали им прав на обрабатываемую ими землю, и их дальнейший статус отныне определялся отношениями с монастырем – законным собственником земли: они могли стать и арендаторами, и париками монахов. Так, по акту от 996 г. бежавшие из своей деревни свободные крестьяне, поля и самые дома которых были в 996 г. разорены во время нападения войск Самуила, государя Болгарии, обосновались на земле монастыря Полигири, арендуя у него землю за долю урожая, но продолжая вносить в казну налоги за покинутые поля, чтобы сохранить на них право собственности. Крестьянам этим не удалось вернуться к своим родным очагам: они стали, в конце концов, париками монастыря³⁰. Но, как видно из всей этой истории, указанный процесс занял определенное время и факт поселения крестьян на чужой зе-

²⁷ Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 265; Lefort J. Le cadastre de Radolivos... P. 243; *Oikonomidès N. La fiscalité byzantine...* P. 90, 94, 96–97.

²⁸ Kaplan M. Les hommes... P. 265.

²⁹ Согласно «Малому синопсу» («Алфавитной юридической книге») – компиляции XIII в., основанной на Василиках, взятая у казны под условием уплаты телоса земля не становилась юридической собственностью взявшего землю (издревле, сказано там, земли на побережье казна не отдавала никому ни в собственность, ни под условием уплаты телоса – *Jus Gracco-Romanus*. 1856. Vol. II. P. 16–17). На общих основаниях с арендаторами и париками такие плательщики телоса не могли быть согнаны с земли, пока платили фиску димосий (*ibid.*, p. 20–21, 85), но права прочного владения они получали только через 30 лет непрерывного возделывания и выполнения своих обязательств. Я не считаю обоснованным мнение М. Каплана, что через 30 лет такие крестьяне (как димосиарии, так и арендаторы и даже парики) становились собственниками такой земли (*Kaplan M. Les hommes...* P. 359–361).

³⁰ Lavra, I. N 10. P. 163–167. Cf.: *Oikonomidès N. Fiscalité et exemption...* P. 133.

мле отнюдь не делал их автоматически париками собственника земли. Для этого было необходимо особое соглашение сторон на этот счет.

Итак, как ни парадоксально, но именно по монастырским актам мы не можем составить точного представления о размерах ренты монастырских крестьян.

Еще более скудны наши знания о положении дел в светской вотчине. Информативные возможности жалованных грамот в пользу знатных лиц не только также ограничены, но таких документов от X–XI вв. вообще сохранилось едва полдесятка. Размеры пакта арендаторов и повинностей париков в пользу частных лиц (собственников земли) могли в каждом отдельном случае по-разному определяться конкретными условиями договора или соглашения на этот счет. Но это положение трудно обосновать документально (в силу отсутствия самих документов). Что касается частных правовых актов (завещаний), то историки располагают от XI–XII вв. всего тремя такими документами³¹. Договоры же свободных арендаторов чужой земли, хотя они заключались официально в соответствии с нормами гражданского права, весьма редки среди источников по аграрной истории. Сохранилось несколько таких договоров, происходящих из Южной Италии³². О крестьянской аренде за долю урожая я уже упоминал. По акту судьи фемы Фессалоники от 927 г., когда крестьяне-арендаторы земли Ивирского монастыря нарушили письменный договор на этот счет и не вносили арендную плату, судья принудил их удовлетворить требования монахов (иначе говоря, контрагенты арендной сделки, совершенной в соответствии с публичным правом, находились под защитой закона)³³.

Не известно, однако, ни одного письменного договора парика с собственником земли³⁴: либо такие документы не имели в глазах господ особой ценности и не хранились наравне с правительственными, либо землевладельцы не предусматривали собственной правовой ответственности перед судом по искам париков и не затрудняли себя письменной фиксацией своих обязательств перед ними, что вероятнее.

Конечно, государственные нормативы пакта и ренты в казенных имениях могли оказывать большое влияние на норму эксплуатации париков в частных владениях. Однако ставить в этом отношении знак равенства между частными и казенными имениями, как это делают подавляющее большинство современных исследователей, я считаю неосторожным. (Достаточно вспомнить в этой связи о тяжбе париков с их господином – Склиром.)

При существующем состоянии источников ключом к пониманию всех других документов по аграрной истории (включая монастырские акты) были и остались налоговые трактаты, “Пира” и новеллы императоров, приоритет среди которых принадлежит, по моему мнению, именно трактатам. В частности, именно они, несмотря, казалось бы, на их формально-теоретический характер, содержат наиболее значимые и точные данные о продуктивности и ресурсах воспроизводства хозяйства крестьянина, об уровне его эксплуатации и качестве жизни его семьи (как свободной, так и зависимой). В этих официальных инструкциях фиска подчиненным ему налоговым чиновникам зафиксированы принципы и критерии, выработанные на этот счет правительством империи в результате вековой практики, и эти нормы функционально не менее достоверны, чем данные статистики, если бы она оказалась возможной.

Поэтому я считаю методологически оправданным рассматривать также и “стандартный” крестьянский двор (стазь) налоговых трактатов как достоверно среднестатистический для X–XI вв. Без четких параметров, которыми он охарактеризован,

³¹ *Литаврин Г.Г.* Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний) // *Византийские очерки.* М., 1971. С. 153 сл. *Он же.* Византийское общество. С. 220.

³² *Каждан А.П.* Деревня и город... С. 88–96.

³³ *Iviron, I. N I.* P. 105–108.

³⁴ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество... С. 72 сл.; *Он же.* Парик и арендатор. С. 3 сл.; *Οἰκονομίδης Ν. Ν Πέτρα...* Σ. 236–237, 239. Ср. с некоторыми оговорками также: *Laiou-Thomadakis A.E.* Peasant Society... P. 53, 145.

был бы совершенно невозможен совершившийся в налоговой практике к концу IX в. переход от распределительного налога к квотированному, по выражению Икономидаса³⁵, неизмеримо более прогрессивному (определяемому в соответствии с имущественным состоянием налогоплательщика).

Крестьянские стаси налоговых трактатов – это в первую очередь хозяйства крестьян-общинников, собственников обрабатываемой ими земли, составлявших по крайней мере до конца XI в. большинство обитателей византийской деревни: парикия еще не стала преобладающей³⁶. (Арендаторы казенной земли – на втором плане в трактатах.)

Для целей данной статьи необходимо напомнить, что в налоговых трактатах стандартным крестьянским тяглом считалось пахотное поле размером в 24 модия земли первого качества (или в 48–50 модиев второго). При этом на наличие тяглового скота у крестьянина как о совершенно необходимом условии обработки названного поля нет ни малейшего намека, тогда как по другим источникам сами категории крестьян и размеры налогов каждой из них определялись в зависимости от этого критерия: зевгарат оценивался вдвое состоятельнее, чем воидат, и вчетверо, чем актимон³⁷. Умолчание в налоговых уставах о рабочих животных и об указанной связи между обладанием ими и высотой налога неизменно вызывает недоумение ученых³⁸. Однако обеспеченность состоятельного налогоплательщика тягловой силой трактаты несомненно предполагают, поскольку в них идет речь о крестьянской стаси как о нормально функционирующем хозяйственном комплексе, что без тягловой силы было абсолютным невозможно. Осмелюсь повторить сделанное выше предположение: классификация крестьян, согласно указанному принципу, имела место только тогда, когда речь шла об обложении налогами именно париков, как государственных, так и частных. (Важнее всего для фиска было определить потенциальные возможности ведения париком земледельческого хозяйства; относительно же его пахотного участка предполагалось, что землей – соответственно выявленным возможностям земледельца – его обеспечивал собственник земли, ответственный за уплату с нее налогов³⁹.)

Уровень благосостояния крестьянина зависел и от числа членов семьи (числа “ртов”). Вопреки принятым в науке представлениям, семья крестьянина в среднем состояла (согласно анализу, практика 1073 г., содержащего описание семей семи деревень в районе Милета) не из четырех, а как минимум из пяти человек⁴⁰. Впрочем, ни в трактатах, ни в описях нет абсолютно никаких указаний на то, что состав семьи оказывал какое-либо влияние на коэффициент ее обложения налогом⁴¹, хотя в расчет безусловно принималась трудовая дееспособность главы стаси или одного из его

³⁵ *Oikonomidès N. De l'impôt de distribution à l'impôt de quotité à propos du premier cadastre byzantin (7e–9e siècles) // ЗРВИ. 1987. 26. С. 9–19. См. также: Kazhdan A. One more Agrarian History of Byzantium. M. Kaplan. Les hommes et la terre à Byzance du Vie au XI siècle. P., 1992 // BS. 1994. LV. P. 86 sq. Cf.; Kaplan M. Les hommes: P. 207–211. М.Ф. Хэнди, впрочем, считает квотацию налога в соответствии с размерами имущества современным, а не средневековым принципом (*Hendy M.F. The Economy... P. 143, 147*). По мнению М.Я. Сюзюмова (Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т. 22. С. 37–38), нормы взывскания ренты и налогообложения в Византии, в отличие от уровня эксплуатации крестьян в странах Запада, были относительно невелики. Ср. *Kaplan M. Les hommes... P. 307; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption... P. 149.**

³⁶ По мнению Н. Икономидаса, напротив, к 30-м годам X в. парики уже преобладали, и законодательство Македонской династии, призванное защитить их, уже запоздало (*Oikonomides N. The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Σύμπεκτα. 1996. 10. Σ. 105–125*).

³⁷ *Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970, S. 59; Lefort J. Fiscalité... P. 320.*

³⁸ *Lefort J. Fiscalité... P. 342.*

³⁹ *Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 217–219.*

⁴⁰ *Litavrin G. Family Relations and Family Law in the Byzantine Countryside of the Eleventh Century: An Analysis of the Praktikon of 1073 // DOP. 1990. Vol. 44. P. 192; Cf.: Nesbitt J.W. Mechanisms... P. 99.*

⁴¹ Сами парики (а скорее их господа) были заинтересованы в том, чтобы взрослые сыновья с их женами не отделялись от родительского хозяйства (*Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 102–109*). Согласно практике 1073 г., наиболее бедными были малые семьи сравнительно с многочисленными, обладавшими большим числом рабочих рук (*Litavrin G. Family Relations... P. 190–191*).

наследников: как известно, семьи вдов и немощных домохозяев (апоров) могли получить налоговые послабления⁴².

При рассмотрении вопроса о возможностях крестьянского хозяйства справедливо указывает как на фактор чрезвычайной важности на господствовавшее в империи двухполье⁴³ с незанятым и занятым паром (чаще всего просом или бобовыми). При данной системе полеводства урожай озимой пшеницы собирался только примерно с половины пахотного поля, т.е. не с 24, а с 12 модиев земли первого качества (и с 24, а не с 48–50 модиев второго)⁴⁴. Независимо от этого налог по единой норме начислялся на всю находящуюся в собственности крестьянина пахотную землю⁴⁵. Согласно трактату, такой крестьянин уплачивал в казну в качестве димосия (телоса, канона) 1 номисму с 24 модиев земли первого качества и такую же сумму с вдвое большего участка второго качества, который и считался вдвое менее доходным.

При отсутствии определенных данных о доходности крестьянской стасти ученые пытались составить представление о ней, подсчитывая ее ежегодные минимальные расходы и доходы. Что касается расходов, то результаты подсчетов разных ученых различались меньше, чем при подсчете доходов крестьянина. Главная трудность состоит в невозможности объяснить неизменно возникающее при этом противоречие: сравнительно большие ежегодные расходы крестьянина кажутся никак не обеспеченными его более чем скромными доходами.

Уверенные в справедливости чисто умозрительного тезиса о низкой урожайности земли в Византии (от 2,8–3,5 к 1⁴⁶ и самое большее 5 к 1 – эта цифра, по словам Лефора, не страдала бы излишним пессимизмом⁴⁷), ученые искали выход из противоречия, либо завышая размеры пашни земледельца до 100–200 модиев на упряжку-зевгарь (9–18 га), либо занижая рацион питания крестьянской семьи до полугодичного.

Ни с тем, ни с другим согласиться невозможно. Учитывая тот факт, что пахотное поле в 100–200 модиев нужно было вспахать 2–3 раза (включая пар), следует признать, что такой труд был непосилен для пары быков – даже в условиях климата, позволяющего пахать в течение двух и более осенних месяцев⁴⁸. Кстати говоря, в российской (и со-

⁴² Kaplan M. Les hommes... P. 428–444; *Oikonomidès N. Fiscalité et exemption...* P. 70, 139.

⁴³ Кондов Н. К. К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века // ВВ. 1961. Т. XX. С. 3–13; Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine empire... С. 257.

⁴⁴ А скорее всего – с еще меньшей площади, так как в границы налогооблагаемого участка входили усадьба крестьянина, а при ней – огород, виноградник, сад. Cf.: Granstrem E., Medvedev I., Papachrysanthou D. Fragment d'un Praktikon de la région d'Athènes (avant 1204) // REB. 1976. 34. P. 14 (в среднем размер участка – 10 модиев). См. также: Lefort J. Cadastre... P. 275; *Idem. Rural Economy...* P. 108 (в среднем по актам Афона участок парика не превышал 25–38 модиев; ученый решительно отвергает мысль о парцелле парика в 100–150 модиев). О возможных вариантах полеводства в этих условиях (яровой ячмень или просо) см.: Кондов Н. К вопросу о системе полеводства... С. 3–13.

⁴⁵ Признавая этот факт как несомненный, Каплан в одном месте вдруг заявляет, что с пара налог не взимался (см.: Kaplan M. Les hommes... P. 499, 519).

⁴⁶ Н. Зворнонос считает ее обычно равной примерно 3,5 к 1 (*Svoronos N. Remarques...* P. 57–58 et n. 39).

⁴⁷ Lefort J. Rural Economy... P. 107–109; cf.: *Oikonomidès N. Terre du fisc et revenu de la terre aux Xe–XIe siècles // Homes et Richesses dans l'empire byzantin. P., 1991. Vol. II. 336.* Гарвей допускает, что урожайность была не менее чем 6–7 к 1 (*Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire...* P. 138–139).

⁴⁸ Некоторые исследователи, производя свои подсчеты, недостаточно учитывают реальные условия жизни и труда крестьянина. Даже такой знаток византийской деревни, как Н. Зворнонос, определяя размеры парических наделов, склонен делить между ними все земли имения или деревни и считать посильным для парической упряжки волов непомерно огромное пахотное поле – до 150 и 200 модиев на зевгарата (*Svoronos N. Remarques...* P. 52. Cf.: Kaplan N. Les hommes... P. 491). Каплан, считая посильным надел зевгарата в 50 модиев, признает все-таки стандартным его размер в 100–200 модиев (*Kaplan M. Les hommes...* P. 57, 490). Между тем площадь деревни-общины состояла обычно на 80–90% из не обрабатываемых угодий (пустоши, неудобья, перелески, пастбища и т.п.). Да и крестьянин не всегда подвергал обработке всю находящуюся в его владении землю. Даже в недавнем прошлом, при использовании отвального плуга, дневной нормой пахоты на пару волов считалось 0,25 га (т.е. 3 модия). Учитывая тот факт, что сошник X–XI вв. имел ширину 12–15 см, пахарь должен был при двойной вспашке одного модия пройти с быками около 12 км, для вспахивания 75 модиев – 900 км, а 150 модиев – 1800 км. Следовательно только осенняя вспашка требовала не менее 30–60 дней непрерывного труда. А ведь нельзя не принимать во внимание, что у крестьянина, помимо пахоты, было немало других видов осенних работ, что быки должны были получать отдых после каждых 3–х–4–х дней работы, что к пахоте добавлялись двойное боронование (до и после посева), да самый посев рукой из лукошка еще более удлинял страданный путь крестьянина по его полю.

ветской) литературе давно предпочитали на этот счет более скромные цифры и больше доверяли налоговым трактатам⁴⁹. Ныне и ученые Запада готовы считать обычными именно те размеры пахотного поля крестьянина, которые признаны стандартными в налоговых уставах: 20–25 модиев земли первого качества или 40–50 модиев второго⁵⁰.

Столь же невероятным я считаю предположение о полуголодном существовании крестьян в Византии. Именно в X–XI в. имел место прогресс в производстве зерна, в том числе – товарного. При опоре именно на крестьянство (кормившее и горожан и армию страны и защищавшее ее от врагов) империя достигла в X – начале XI в. впечатляющих успехов и в своем экономическом развитии и в отношениях с внешним миром. Конечно, эти успехи потребовали чрезвычайных усилий масс сельского населения и не могли, в конце концов, не отразиться на них отрицательно (о чем в последние годы пишут не мало специально⁵¹), но истощение сил деревни было длительным процессом, и датировать его пагубные результаты (и не для всех категорий крестьян) можно, видимо, лишь со второй половины XI в. – столетия “экономической экспансии”⁵².

Проблеме самых насущных расходов крестьянской семьи в последнее время уделяли в историографии большое внимание. Ограничусь поэтому лишь несколькими замечаниями к тщательно произведенным на этот счет подсчетам Н. Кондова, М. Каплана и Н. Икономидиса. Ученые выделяют четыре главных вида расходов земледельца: семенной фонд, государственный налог (а для парика – также рента в пользу господина земли) с разного рода начетами на него (паракроуфемата), которые составляли для большинства категорий крестьян 22–23% от суммы димосия, необходимые накопления на поочередную смену рабочих быков и, наконец, обеспечение питания семьи.

Ежегодные затраты крестьянина на семенной фонд все исследователи (исключений я не знаю) рассчитывают одинаково: за норму берется один сыпучий модий семян (12,8 кг) на один модий площади (от 840 до 890 кв.м⁵³). Оставив пока этот вопрос в стороне, замечу только, что его нельзя решать столь просто и однозначно. Важно, однако, указание Кондова, что огромное значение имело качество семян, в первую очередь их всхожесть, наличие в семенах сорняковых примесей, Кондов определяет всхожесть в 60–80%⁵⁴.

Имея в виду необходимость накопления крестьянином средств на покупку быков, ученые исходят из того, что в возрасте 15 лет бык теряет способность к тяжелой работе. На поочередную их замену (при идеальном сочетании пары – пятилетний и десятилетний – через каждые пять лет старший бык подлежал замене) было нужно откладывать по 0,6–0,8 номисмы в год (т.е. примерно по 7,2–9,6 модиев из каждого урожая), так как бык стоил от 3 до 4 номисм⁵⁵.

Что касается первых трех статей расходов, то они в целом за незначительными отклонениями (как определять начеты на димосий арендатора) подсчитаны учеными примерно одинаково, так как нормативы калькуляции считаются общими и бесспорными.

⁴⁹ *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 141–143; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество... С. 51, 95 *passim*.

⁵⁰ См. примеч. 47, а также: *Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption... P. 55–56; *Nesbitt J.W.* Mechanisms... P. 792, 129. Сам же Н. Зворонос, считающий нормальным размер стаи крестьянина в 150 модиев, отмечает частые случаи обладания зевгаратами и 25-ю и 38-ю модиями (*Svoronos N.* Remarques... P. 274 et *sq.*).

⁵¹ *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire... P. 264; *Haldon J.F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950. A Study on the Origins of the Stratiotika ktemata. Wien, 1979. P. 47 *sq.*, 60 *sq.*, 78–81; *Treadgold W.T.* The Byzantine State Finances in the Eighth and Ninth Centuries. New York, 1982. P. 37, 53–95; *Kaplan M.* Les hommes... P. 395, 447–451; *Oikonomidès N.* Fiscalité byzantine... P. 131 *sq.* etc.

⁵² *Kaplan M.* Les hommes... P. 395, 447 *sq.*

⁵³ The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1388.

⁵⁴ *Kondov N.* Über den wahrscheinlichen Weizenertrag auf der Balkanhalbinsel im Mittelalter // EB. 1974. N 1. S. 108.

⁵⁵ *Cheyne J.-C., Malamut E., Morrisson S.* Prix et salaires à Byzance (X–XV siècles) // Hommes et Richesses... Vol. II. P. 349. Согласно любезной справке Л.В. Милова, в России со средних веков вплоть до XIX в. крестьяне придерживались обычная копить с этой целью деньги, тайно опуская каждую осень определенную сумму (монету) в глубоко зарытый на поле горшок.

В отличие от этого известия о расходах на питание крайне противоречивы и, строго говоря, дают не больше оснований для определенных заключений, чем логические соображения, учитывающие вообще потребности человеческого организма.

Н. Зворонос полагал, что на одного взрослого мужчину приходилось – при явном недоедании – только около 800 г хлеба в день (570 г зерна), а в год на человека – 200 кг зерна, или около 15,5 модия, а на семью из четырех человек – 62 модия зерна⁵⁶. (Полагая, что при принятой им урожайности такого количества зерна с 24 модиев не собрать, Зворонос и идет по пути завышения размеров крестьянской пашни до 150 модиев на зевгарь⁵⁷). Согласно А. Каждану, на человека требовалось от 1 до 2 кг печеного хлеба в день (т.е. по крайней мере 260 кг зерна в год, или 20 модиев, дающих при припеке 40% 364 кг печеного хлеба)⁵⁸. А. Гарвей полагает, что нормой питания в день для семьи из четырех человек было 6400 калорий⁵⁹ (мало вероятное допущение: при современных нормах на это нужно почти в два раза больше). Каплан считает, что двум работникам в семье требовалось до 7000 калорий, т.е. около 2,3 кг хлеба (один кг печеного пшеничного хлеба содержит 3000 калорий), для одной женщины – 2500 и для двух детей до 15 лет 4000 калорий в день, т.е. на семью 13 500 калорий, или ок. 70 модиев зерна в год⁶⁰.

Сами византийцы при всех различиях данных на этот счет⁶¹ называют цифру близкую к 20–24 модиям зерна на одного взрослого человека в год. По норме, сходной именно с этой, было предоставлено зерно (2 модия на человека) Иоанном I Цимисхием воинам Святослава на обратный путь на родину (я полагаю – на месяц) по мирному договору 971 г.⁶² Данную норму считали, следовательно, достаточной для мужчины-воина фактически при отсутствии каких-либо других продуктов, которые русы могли взять с собой из изнемогшего от голода Доростола и из опустошенной длительной осадой округи. С припеком это составит 1,23 кг хлеба в день на одного воина.

Обращусь, однако, к подсчетам Кондова. Этот ученый – уроженец Балкан и агроном по специальности. Его расчеты и соображения никак нельзя считать умозрительными. Недаром его выводы приобретают все больше сторонников, хотя они относятся только к Северным и Средним Балканам. Большая часть его статьи представляет собой проверку гипотезы Н. Звороноса об урожайности в Византии 2,3–3,5 к 1. Только в конце статьи Кондов высказывает свое мнение, решительно разойдясь с выводами своего предшественника.

Кондов опирается на следующие исходные данные. Нормальным по размеру полем состоятельного крестьянина-зевгарата он считает, вслед за Н. Звороносом, 75 модиев (около 6,3 га), из которых засевали ежегодно озимой пшеницей половину, т.е. 37,5 модиев.

По свидетельству Кондова, совсем недавно в балканской деревне хлеб оставался основой питания – нормой считалось потребление одного кг печеного хлеба в день на взрослого человека (как допускал и Каждан). Но Кондов замечает при этом, что в семье, среднюю численность которой он определил в 4,14 человека⁶³, общий объем потребления хлеба в день (4,14 кг) следует убавить на 20% (т.е. до 3,31 кг) за

⁵⁶ *Svoronos N. Remarques...* P. 59–60.

⁵⁷ *Ibid.* P. 52.

⁵⁸ *Kazhdan A. Two Notes on Byzantine Demography of the Eleventh and Twelfth Centuries // Byzantinische Forschungen.* 1982. 8. S. 118; *Каждан А.П.* Сколько ели византийцы // ВИ. 1970. № 9.

⁵⁹ *Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire...* P. 165–180, 196.

⁶⁰ *Kaplan M. Les hommes...* P. 503. С одной стороны, автор полагает, что семью можно было прокормить и 60 модиями зерна в год (*ibid.*, p. 480), а с другой стороны – для нормального питания было нужно, по его мнению, по крайней мере 128 модиев (*ibid.*, p. 501–504).

⁶¹ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество... С. 234–236.

⁶² *Leonis Diaconi historiae libri decem.* Bonnae, 1828. P. 156. 10.

⁶³ Согласно подсчетам самого Кондова по афонским актам (*Kondov N. Demografische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des unteren Strymon in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // EB.* 1965. № 1–2. P. 263. Taf. 1 (напомню, однако, в скобках, что в актах состав семей, особенно их женских представителей, приводится сплошь и рядом отнюдь не полностью); *Idem.* Über den wahrscheinlichen Weizenetrag... P. 99, 101–107.

счет меньшей потребности в пище детей, женщин и пожилых людей⁶⁴. При предложенной Звороносом урожайности сам 2,3 урожая едва хватило бы (после вычета расходов на семена и удаления примесей, составлявших до 15% зерна), как подсчитал Кондов, на уплату налогов, а на питание не осталось бы ничего⁶⁵. Поэтому Кондов допускает, что до одной восьмой всего поля весной засевали просом, дававшим при урожайности сам 15 еще около 43% зерна от объема пищевой пшеницы. Учитывает Кондов и разного рода “приварок” в доме крестьянина (овощи, фрукты, вино, оливковое масло, мед, яйца, мясо птицы и животных, продукты собирательства, рыболовства и охоты). Но калорийным “приварок” был далеко не у всех и, по мнению Кондова, мог обеспечить в лучшем случае не более 23% рациона, тогда как не доставало 40%. В основе питания оставался хлеб⁶⁶. Не допуская мысли о том, что крестьяне на Балканах в средние века всегда влачили существование “на пороге выживания”, Кондов, ссылаясь на изученные еще Ф.И. Успенским византийские задачи на аграрную тематику, в конечном счете заключает, что урожайность на Балканах в то время не могла опускаться ниже сам 5⁶⁷, т.е. с 37,5 модиев получали 2438 кг (188 модиев). Около половины этого объема, после названных затрат, было бы достаточно для семьи – так, по мнению Кондова, и обстояло дело⁶⁸.

Значительно более дифференцированно и детально расходы крестьянской семьи подсчитаны М. Капланом. Он произвел их особо для разных категорий крестьян: отдельно для свободных собственников и париков (дизевгаратов, зевгаратов и вондатов), для арендаторов-мортитов и использиков. Ученый допускает возможность значительных колебаний урожайности в зависимости от разных природно-климатических условий. Он соображает свои подсчеты расходов и доходов крестьян с урожайностью от 3,5:1 до 7:1, но решительно предпочитает ориентироваться на урожайность 3,5:1 даже для земли первого качества⁶⁹. Предлагает автор учитывать и то обстоятельство, что чем меньше был участок крестьянина, тем выше был коэффициент урожайности (земля интенсивнее обрабатывалась, удобрялась и орошалась, уход за посевами был обеспечен большим числом рабочих рук и т.п.)⁷⁰.

“Нормальным” Каплан считает участок в 100 модиев первого качества (под посевами при незанятом поле ежегодно находилась половина поля). Гораздо полнее, чем Кондов, учитывает Каплан и все виды возможных расходов в хозяйстве крестьянина, в частности, затраты на восстановление и ремонт инвентаря, накопления на смену быков, начеты на димосий. Образование некоторого излишка Каплан допускает как исключение в хозяйстве состоятельного земледельца (до 10–12% от валового сбора зерна), в большинстве же случаев он фиксирует или ничтожность резерва, или дефицит зерна, подчеркивая неустойчивость хозяйственного положения вондата и мортита. (При этом он, следуя за Звороносом, весьма тенденциозно пытается доказать, что фактор собственности на землю фактически не имел значения и условия жизни париков и крестьян-собственников были принципиально близки⁷¹.)

⁶⁴ *Kondov N. Über den wahrscheinigen Weizenantrag...* P. 103–104. Большинство ученых считают среднюю численность крестьянской семьи в Византии равной четырем человекам. См. также: *Svoronos N. Remarques...* P. 60; *Laiou-Thomadakis A. Peasant Society...* P. 7, 40 sq.

⁶⁵ Действительно, урожай с 37,5 модиев Кондов определяет в 1125 кг. На уплату мортиты назначаются 112 кг, на налог 488 кг, на примеси 65 кг. Вычитая эти расходы, автор получает на питание “чистого” зерна 460 кг. Но он странным образом забыл в данном случае про семенной фонд (хотя всюду в статье принимает за норму высева один сыпучий модий на модий площади), составляющий для 37,5 модиев еще 488 кг (я не говорю уже о том, что Кондов не учитывает необходимости делать накопления на смену быков и платить начеты на телос – *Kondov N. Über den wahrscheinigen Weizenantrag...* S. 101–102). Таким образом, с учетом названных упущений Кондова значительной части урожая не хватило бы даже для расчетов по названным расходам.

⁶⁶ *Kondov N. Über den wahrscheinigen Weizenantrag...* S. 99, 106–107; *Kaplan M. Les hommes...* P. 502–522.

⁶⁷ *Kondov N. Über den wahrscheinigen Weizenantrag...* S. 97, 108–109.

⁶⁸ *Ibid.* S. 104.

⁶⁹ *Kaplan M. Les hommes...* P. 518.

⁷⁰ *Ibid.* P. 508–511.

⁷¹ *Kaplan M. Les hommes...* 54 sq. Cf.: *Svoronos N. Remarques...* P. 59.

“Получая” с 50 засеянных модиев (при урожайности сам 3,5) 175 модиев зерна, Каплан исчисляет расходы крестьянина – собственника в 77 модиев, а парика в 91 модий⁷² (без питания) и полагает в связи с этим, что крестьянину после всех выплат и совершенно необходимых затрат на хозяйственные нужды на питание оставалось едва 50–60% урожая, и жизнь его семьи весьма часто оказывалась ниже порога выживания. Чтобы избавиться от голода, он был вынужден, насколько возможно, увеличивать запашку, а если такой возможности не было, довольствоваться малокалорийными добавками к рациону⁷³.

Я расцениваю выводы Каплана как излишне пессимистические⁷⁴. В отличие от Кондова, который видит выход из “тупика” в отказе от априорно принятой Зворонсом цифры урожайности, Каплан пишет о безысходности замкнутого автаркией византийского общества, пути развития которого оказались наглухо “блокированными”⁷⁵. Эти заключения решительно противоречат тому оживлению, которое ныне констатируют большинство исследователей в аграрном секторе экономики империи XI–XII вв. Заключение Каплана о почти равном коэффициенте эксплуатации хозяйства парика и свободного собственника не позволяет объяснить ожесточение той борьбы за париков, которая развернулась среди динатов и между государством и династами в X–XI вв.

О соотношении расходов и доходов крестьянина я в сущности уже высказал свое мнение. В целом же авторы сплошь и рядом больше интересуются не реальным положением семьи крестьянина, а процентной нормой его обложения к его доходу, доходностью его хозяйства – в процентном отношении к фискальной (стабильной) и рыночной (переменной) цене земли и, наконец, нормой чистой прибыли, причем скорее не парика и арендатора, а собственника земли.

Между тем для определения материального положения крестьянина совершенно необходимо, на мой взгляд, составить представление не только о его доходах и расходах. Доходность предполагает процент прибыли от стоимости вложенного в предприятие имущества. Но оценка его реальной стоимости определялась меняющейся рыночной и местной конъюнктурой⁷⁶, и устанавливаемая на ее основе доходность стаи вряд ли позволит верно судить о прожиточном минимуме крестьянина. Скорее всего проблема соотношения чистой прибыли со стоимостью земли не приходила в голову крестьянину, озабоченному прежде всего тем, сколько зерна из урожая останется в амбаре на нужды его семьи. И вообще – само наше представление о ресурсах хозяйства земледельца и его благополучии можно составить точнее всего именно по урожайности его пашни. Ее характеризуют в основном отношением затраченных семян либо к размерам валового сбора зерна, либо к единице площади засеянного поля.

Н. Кондов, как было показано, только поставил под сомнение скрупулезными расчетами гипотезу Звороноса⁷⁷ о средней урожайности от 2,3:1 до 3,5:1 и предпочел в целом без серьезного обоснования завоевывающую в историографии все больше сторонников другую гипотезу о средней урожайности в Византии равной сам 5.

⁷² Коротко, эти расходы Каплан исчисляет, примерно, следующим образом: на семена 50 модиев (на 50 модиев засеваемого поля), на димосий 48 модиев зерна со всего поля в 100 модиев (из расчета 12 модиев с 24 модиев земли первого качества), на начеты на димосий и на накопления на смену быков 24 модия. Итого, расходы без учета зерна на питание – 122 модия. Из 175 модиев осталось, следовательно, всего 53 модия (*Kaplan M. Les hommes...* P. 516–518).

⁷³ *Kaplan M. Les hommes...* P. 503–520.

⁷⁴ Таковыми их считают также и Н. Икономидис (*Oikonomidès N. Terre du fisc...* P. 336) и А. Каждан (*Kazhdan A. One more...* P. 76–78).

⁷⁵ *Kaplan M. Les hommes...* P. 523–573. Cf.: *Harvey A. Economic Expansion in the Byzantine Empire...* P. 243.

⁷⁶ О трудностях определения сколько-нибудь устойчивой рыночной цены земли в Византии см.: *Cheyne J.-C., Malamut E., Morrisson S. Prix et salaires à Byzance...* P. 344; *Oikonomidès N. Terre du fisc...* P. 331. *Kaplan M. Les hommes...* P. 477–478.

⁷⁷ Заниженной считает эту цифру и Ж.-К. Шене (*Cheyne J.-Cl. – M. Kaplan. Les hommes et la terre à Byzance du Vic au Xie siècle. P., 1992 // Revue historique. 1993. T. 875. P. 526*).

М. Каплан, как упоминалось, никак не реагируя на статью Кондова⁷⁸, исходит в основном из урожайности 3,5:1. А. Каждан сообщает данные источников об урожайности в Византии, равной и 13:1, и 16:1, и 20:1 и более⁷⁹.

И. Икономидис считает критерием урожайности соотношение количества семян и полученного от них зерна. Вслед за И. Кондовым и Ж. Лефором⁸⁰, он ориентируется также на среднюю урожайность 5:1 как на “недалекую от реальности”⁸¹. При калькуляции он исходит, однако, из двух показателей – 4:1 и 5:1. Считая в большинстве случаев стандартным, я сказал бы, “с излишним оптимизмом”, участок зевгарта равным 100–200 модиям первого качества (замечу в скобках, что при двойной осенней вспашке это путь пахаря за плугом в 1000–2000 км), исследователь берет все-таки для расчетов участок в 360 модиев. Ежегодный доход он определяет в 120–150 номисм, или – при стоимости одной номисмы за 12 модиев – в 1440–1800 модиев зерна (урожай со всего поля в 360 модиев – фактор двухполя автор при этом вообще не принимает во внимание). Соответственно семенной фонд он исчисляет не в ожидаемые 180, а в 360 модиев⁸², а налоги и начеты на них – в 22,5 номисмы (270 модиев). Все расходы (без пищевого зерна) составили бы, по мнению Икономидиса, до 18,75–25% урожая, т.е. в 570–630 модиев зерна. Оставшиеся в распоряжении земледельца 870–1170 модиев он считает вполне достаточными для пропитания 2–3 семей (помимо семьи домохозяина, семьи двух–трех работников)⁸³.

Предпринимая свою попытку рассмотрения этой проблемы, я расцениваю ее лишь как проверку предположений Н. Кондова, которые также скорее всего останутся более или менее вероятной гипотезой: слишком много факторов, оказывавших влияние на урожайность пашни крестьянина, плохо известны или неизвестны вообще.

Помимо количества и качества возделываемой земли и наличия полноценного тяглового скота, имели серьезное значение и качество семенного зерна, и засоренность его примесями, и невосхожесть его части, и потрава от птиц, и поражающие колос болезни, и выветривание, и количество органических удобрений, и орошение, и уход за всходами, и число рабочих рук в семье (не говоря уже о тщательности уборки, способе молотьбы и провеивания).

Кондов принимает сыпучий модий равным 13 кг и считает его нормой высева на модий площади (840 кв. м), т.е. около 15 зерен на 1 кв.м. В грамме он насчитывает 30 зерен, в колосе – 8. Исходя из этих данных (но не приводя все расчеты, в частности, не указывая на потери семян, исчислявшиеся в 20% только от невосхожести их части), Кондов считает возможным получить с 24 модиев второго качества урожай в 120 модиев, соответствующий урожайности 5 к 1.

Указывает Кондов и на возможность иной методики расчетов, основанной на учете числа высеваемых зерен на единицу площади, ссылаясь при этом на “Геопоники”, рекомендующие высевать на площадь ладони с растопыренными пальцами 7 зерен⁸⁴. Кондов полагает при этом, что данные “Геопоник” лишний раз подтверждают его выводы о приемлемости средней урожайности на уровне 5 к 1, но не при-

⁷⁸ Я не осмелюсь утверждать, что М. Каплан совсем незнаком с работами ученых славянских стран, но он на них никогда не ссылается, откровенно признавая, что славянские языки ему недоступны (реплика на реч. А.П. Каждана). Но статья Кондова – на немецком! Впрочем подобная (научная?) позиция Каплана касается и работ других славянских ученых, хотя бы эти работы и были изданы на западноевропейских языках.

⁷⁹ *Kazhdan A. Two Notes...* P. 121. Автор подчеркивает, что восточные средневековые авторы считали агрономию византийцев более совершенной, чем у франков.

⁸⁰ *Lefort J. Rural Economy...* P. 108.

⁸¹ *Oikonomides N. Terre du fisc...* P. 336.

⁸² Не принимает ли Н. Икономидис (как и я) за реально осуществлявшуюся упомянутую выше инструкцию агрономического трактата – высевать на один модий земли первого качества два сыпучих модия семян (?).

⁸³ *Oikonomides N. Fiscalité et exemption...* P. 129–135.

⁸⁴ Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века / Введ., пер., с греческого и коммент. Е.Э. Липшиц. М.; Л., 1960. С. 66.

водит соответствующих расчетов. Я произвел их. Оказалось, что для того, чтобы получить нужный Кондову результат (120 модиев зерна с 24 модиев среднего качества при урожайности 5 к 1), нужно посеять на 1 кв. м около 16 г семян (примерно 460 зерен – без учета их всхожести и последующих потерь), а для этого “уместить” на 1 кв. м минимум 66 ладоней. Неизвестна однако техника такого размещения семи зерен на ладони и 66 ладоней (да еще с растопыренными пальцами) – на 1 кв.м...

Следует, однако, заметить, что ту урожайность, о которой идет речь у Кондова, он измеряет, по-видимому, отношением валового сбора к площади поля, а не семян – к урожаю. В самом деле: при расчете урожайности по отношению семян к валовому сбору как 5 к 1, 120 модиев зерна с 24 модиев пашни можно было получить только без учета каких бы то ни было потерь семян. При учете же невосхожести их части, засоренности и других потерь (в целом до 30%) получить 120 модиев с 24 модиев пашни второго качества можно было бы только при затрате семян из расчета не один, а минимум 1,3 сыпучего модия на модий площади. Но тогда урожайность (при затрате 31,2 модия семян и валовом сборе в 120 модиев) была бы равной не 5 к 1, а только около 3,8 к 1. Иными словами, урожайность 5 к 1 следовало бы исчислять не отношением семенного фонда к урожаю, а урожая – к площади пашни (120 модиев валового сбора к 24 модиям пашни).

Надеясь высказать на этот счет некоторые дополнительные суждения, я выдвигаю четыре тезиса, не учитывавшиеся или недостаточно учитывавшиеся моими предшественниками.

Во-первых, удобнее вести расчеты, взяв для анализа доходности поля не произвольно выбранный по размерам (хотя и из какого-либо подлинного казуса), а стандартный пахотный участок⁸⁵ – мы знаем, его официальную оценку, норму его налогообложения, его обеспеченность тягловым скотом, качество его земли. И Кондов, и Каплан сами считают посильными для пары быков поле размером в 50 модиев, а берут для анализа 75 и 100 модиев, хотя они же говорят о том, что дважды (вдоль и поперек) вспахивалась не только засеваемая половина поля, но и самый пар, а тем более занятая бобовыми или просом его часть.

Во-вторых, не представляются вообще методологически корректными сделанные до сих пор подсчеты (в том числе Кондовым) средней урожайности земли в Византии. Их следует производить отдельно по крайней мере для каждой из двух категорий пахотных полей: для их первого и второго качества. Строгое соблюдение этого принципа предусматривалось как обязательное условие самими чиновниками фиска при оценках продуктивности пахотных полей каждого налогового единства, и это было одним из важнейших критериев налогообложения 1 номисма с 24 модиев первого качества и такая же сумма с 48–50 модиев второго качества)⁸⁶.

В-третьих, необходимо, по моему мнению, при исследовании данного вопроса отдавать предпочтение не разновременным и часто противоречивым данным, а агрономическим инструкциям той поры (в частности, изданной Э. Шильбахом, но признанной на недостаточных, на мой взгляд, основаниях сомнительной, в том числе самим издателем⁸⁷), и официальным налоговым предписаниям фиска.

В-четвертых, наконец, Кондов и Каплан не учитывают одного из важнейших правил агрономии, согласно которому на средние и плодородные земли высевают разное количество семян.

Что касается серьезных различий природно-климатических условий в разных провинциях империи (М. Каплан, как упоминалось, отчасти считается с ними), то я отвлекаюсь от этого фактора, хотя он, конечно, отражался на урожайности земли, на куль-

⁸⁵ Ошибочность метода исчисления размеров пахотных полей путем деления площади имения на число крестьянских дворов недавно еще раз подчеркнута Ж. Лэфором (*Lefort J. Rural Economy...* P. 108).

⁸⁶ Согласно задачам византийских землемеров, изученных Ф.И. Успенским (Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии // ЖМНП. 1888. № 10. С. 258), хозяин земли учитывал особо качество каждого клочка участка своего парика, сообразуя с этим высоту парических рентных платежей.

⁸⁷ *Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen.* S. 87.

тивировании тех или иных видов злаков и в конечном счете на общем уровне качества жизни населения. Однако этот фактор не нашел отражения в нормативных документах государства. Нет оснований предполагать, что в каких-либо крупных районах империи, менее благоприятных для пашенного земледелия, население на этом основании вообще отказывалось от возделывания любого из злаков (пшеницы или ржи, проса или ячменя). Два-три из них были распространены в любой византийской провинции, и фиск не брал в расчет природные условия при определении норм налогообложения. (Только при сборе налогов натурой он мог считаться с тем, что их взыскание пшеницей, вином и оливковым маслом было нереальным в высокогорных районах)⁸⁸.

В подтверждение своих расчетов Кондов ссылается, как упомянуто, на “Геопоники” и с полной очевидностью – на одно из положений той самой агрономической инструкции, другое положение которой (о нем ниже) он отвергает. Проверая свою гипотезу об уровне средней урожайности при опоре на эти данные, Кондов не говорит ничего о пашне первого качества. Возможно, он имеет при этом в виду тот всем известный факт, что стоимость (или плодородие) участка первого качества была вдвое более высокой, чем второго, а поэтому само собою разумеется, что и урожай с него был вдвое более весомым и равнялся, например, 120 модиям зерна не с 24 модиев засеянной пашни второго качества, а только с 12 модиев первого. Поскольку, следовательно, сбор зерна у двух крестьян с их разновеликих полей разного качества и с разной затратой семян (по принятым Кондовым нормам) был совершенно одинаковым, постольку, он шел, видимо, допустимым высчитывать среднюю урожайность земли, не упоминая о ее качестве (?).

Но подобные соображения, если они имелись, не избавляют от необходимости констатировать, что налоговые трактаты явно предполагают вдвое более высокую урожайность вдвое более ценного поля первого качества сравнительно с пашней второго. Соотнося объем урожая с величиной поля, с которого он был получен, следует принять, что он составил бы в данном случае не 5 к 1, а 10 к 1, т.е. высказать мысль, которую Кондов считает вообще недопустимой. Кроме того, Кондов ничего не говорит о различиях в размере семенного фонда для равных полей разного качества. На этот счет имелись определенные правила агрономии, действительные и на сегодняшний день.

В связи с этим обращусь к упомянутой агрономической рекомендации геометрического трактата, изданного Шильбахом. Там сказано, что египетская земля мерой в 200 оргий (один модий площади) принимает модий семенного зерна (40 л) ибо “тамошняя земля является песчаной и безводной, способной принять немного семян, а наша, напротив, увлажненная, жирная и плодородная, мерою в 100 оргий, принимает также модий. Как показал опыт, она способна больше семян и принять, и напитать, и успешно взрастить”, и поэтому установлено измерять такой (“модий” мерой, равной только 100 оргиям)⁸⁹, хотя он принимает также 40 л семян. Итак, один сыпучий модий высевали в Египте на площадь в один модий, а в иных провинциях, где почвы были лучше, ту же меру на вдвое меньшую площадь, условно названную также “модием”.

Исследователи, в том числе сам издатель, полагают это место документа недостоверным, так как в Египте земли не были “тощими”, а в прочих провинциях империи трудно было найти почвы “жирные”⁹⁰. Я не считаю возможным столь беглым доводом отвергнуть это важное свидетельство: во-первых, в этом же геометрическом трактате плодородными названы земли в фемах Фракисиев и Киверреотов⁹¹, во-вторых, в Египте совсем не большая часть пахотных земель находилась в орошаемой и удобряемой илом пойме Нила⁹²; в-третьих, и поныне большее количество

⁸⁸ См., например: *Epistoliers byzantins du Xe siècle / Éd. par J. Darrouzès. P., 1960. P. 198–199.*

⁸⁹ *Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen. S. 87.*

⁹⁰ *Ibid. S. 96, 155–156; Kaplan M. Les hommes... P. 56. n. 269.*

⁹¹ *Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen. S. 59.*

⁹² Согласно данным БСЭ, урожай, получаемый египетскими феллахами на тощих землях в середине этого столетия, был одним из самых низких в Средиземноморье (4 к 1). См.: Т. 15. 1952. С. 447, 449.

зерна, высеваемого на хорошей земле, обеспечивает получение значительно большего урожая. Именно об этом и идет речь в приведенной инструкции. Учитывая традиции византийского фиска, я убежден в том, что здесь имелось в виду не что иное, как две главные категории пахотной земли – первого и второго качества.

Поэтому я считаю процитированную выше рекомендацию заслуживающей самого серьезного внимания: соотношение густоты посева с качеством почвы является всеобщим правилом полеводства, почти не зависящим ни от эпохи, ни от климата, ни от техники возделывания земли⁹³. Так, в зависимости от плодородности земли на 1 га (на 12 модиев) высевают и теперь в нечерноземной зоне России 1,4 ц зерна (ок. 10,8 модия), а на черноземах Северного и Восточного Причерноморья – 2,4 ц (18,5 модиев)⁹⁴, что довольно близко по данным рассматриваемого документа (густота посева разнится если не на 100, то на 70%).

Совершенно очевидно, что принимаемая Кондовым в качестве реальной урожайность 5 к 1 полностью соответствуют одной из приведенных рекомендаций геометрического трактата, но только относительно земли второго качества. Как кажется, вторая часть процитированной инструкции позволяет решить удовлетворительно вопрос об урожае и с малого, но более плодородного поля, не прибегая к подсчетам возможного урожая с предполагаемого просяного клена или о месте бобовых в рационе и т.п.

Разумеется, все эти подсчеты чисто теоретические. Отнюдь не исключено, что опубликованная Шильбахом формула может быть весьма приблизительной и ее не следует понимать буквально. Однако с помощью простейших расчетов не трудно убедиться в том, что, принимая рекомендацию современной агрономии – на единицу пашни высшего качества высевать семян не вдвое, а на 70% больше, чем на среднеплодородную, обладатель лучшей земли все равно не достиг бы вдвое большей урожайности, понимаемой как отношение семян к валовому сбору, если не допустить, что более высокая урожайность участка первого качества определялась, помимо густоты посева, также числом зерен в выращенных на хорошей почве колосьях и весом самих зерен.

Считаю все-таки необходимым привести мои собственные расчеты и о расходах, и о доходах семьи крестьянина – с ориентировкой не на 75 или 100 модиев, как у Кондова и Каплана, а на стандартные участки налоговых трактатов. В своих расчетах я буду иметь в виду статус свободного крестьянина-собственника, так как официальные нормативы обложения относятся прежде всего именно к нему и именно он платил все начеты на димосий. Учитывая тот факт, что в империи преобладали земли второго качества, применительно к ним целесообразно и сделать подсчеты, т.е. к участку в 48 модиев. Из ежегодного урожая с него на семена для половины поля необходимо было отложить 24 модия (2 номисмы), на уплату телоса предстояло выделить 12 сыпучих модиев (1 номисму), на разного рода начеты на телос (параколуфемата) – 2,76 модия (0,23% или 0,23 номисмы), т.е. всего на уплату налогов было нужно 14,76 модиев, а с учетом натуральных нерегулярных сборов – примерно 15 модиев (1,25 номисмы). На накопления для предстоящей смены быков следовало откладывать в течение пяти лет по 7,2 – 9,6 модия (0,6–0,8 номисмы) в год, в среднем по 8,4 модия, или по 0,7 номисмы. Всего, следовательно (без питания), примерные расходы должны были исчисляться в 47,4 модия (2,95 номисмы). Было бы естественным допустить при минимально учтенных здесь расходах, что крестьянин должен был что-то затрачивать на покупку вещей, не производимых в крестьянском хозяйстве (металлические орудия и вещи, некоторые виды одежды и обуви). Поэтому названные цифры можно несколько увеличить, по крайней мере до 50 модиев зерна (или примерно до 4,2 номисмы).

⁹³ Кондов (*Kondov N. Über den wahrscheinlichen Weizennertrag... S. 109*) и Икономидис (*Oikonomidès N. Terre du fisc... P. 327, 336, n. 29*) подчеркивают, что система полеводства и урожайность в бассейне Средиземноморья не менялись веками.

⁹⁴ БСЭ. Т. 35. 1955. С. 372–373.

Теперь учтем ориентировочно подсчитанную выше сумму модиев, необходимых на питание семьи. Кондов считал, что для средней семьи в 4,14 человека нужно до 90 модиев, Каплан – до 90 для 5 человек, у меня же получается для семьи той же численности всего 70 модиев. Это составляет в день на семью около 2,5 кг зерна (или при припеке в 40% – 3,5 кг печеного хлеба, т.е. 10500 калорий) (1 кг пшеничного хлеба содержит 3000 калорий), почти в два раза больше, чем определял А. Гарвей, и несколько меньше, чем Каплан. Я полагаю – на одного мужчину достаточен 1 кг (3000 калорий) в день, на двух женщин – 1,5 кг (4500 калорий), на двух детей до 15 лет – 1 кг (3000 калорий). Такого рода подсчет рациона крестьянской семьи не выглядит, по-моему, “излишне пессимистическим”. Поскольку же при подсчете расходов учетные далеко не все из них, а лишь самые насущные, я считаю возможным допустить теоретически, что в целом доходы, способные покрыть все расходы крестьянина, были несколько большими (как и урожайность его поля, если определять ее, соотнося размеры урожая и величину жатой нивы).

Приведенная выше Кажданом подборка свидетельств о урожайности в Византии намного превосходит мои скромные цифры. По данным археолога Я.Г. Риера, изучавшего специально проблемы организации и повседневной жизни крестьянского хозяйства в Восточной и Центральной Европе в VIII–X вв. (он учитывал среди прочего и объемы зернохранилищ), даже на северо-востоке Центральной Европы урожайность на удобренных почвах достигала и 20 к 1 и даже 30 к 1⁹⁵.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно, видимо, высказать предположение, что 22–23 модия зерна ежегодно уходили из хозяйства византийского крестьянина (15 модиев на налоги и 7–8 модиев на накопления для замены быков). Очевидно, что этого зерна было совершенно достаточно для содержания одного человека в год. Иначе говоря, как я и заключал 20 лет назад, семья византийского крестьянина из пяти человек содержала еще одного (шестого), не принимавшего никакого участия в сельскохозяйственном производстве⁹⁶. Все это дало бы повод исчислять городское население империи примерно в 16,6%, если бы не следовало учесть еще по крайней мере два противоречащих друг другу фактора: с одной стороны, известно, что империя экспортировала в этот период зерно, по преимуществу в итальянские города-республики, т.е. какая-то его часть не потреблялась подданными империи⁹⁷, но, с другой стороны, не менее известно, что значительную часть потребностей в продуктах питания жители городов, в особенности малых, обеспечивали себе сами. В любом случае представляется все-таки мало вероятным исчислять процент городского населения империи цифрой 16,6%. Рискованно было бы также и исчислять ее вдвое уменьшенной цифрой, как это часто делается в литературе⁹⁸.

В связи с приведенными расчетами чрезвычайно интересны свидетельства о том, что урожай за 10 лет был равен нормальной (рыночной) цене земли, тогда как ее фискальная стоимость составляла 1 номисму за 1 модий первого качества, а за участок в 24 модия – 24 номисмы⁹⁹. Налог с этого участка равен 1 номисме, или 12 модиям зерна, т.е. составлял 4,166% фискальной цены участка. Поскольку урожай с него (при засевании ежегодно только половины площади и при урожайности 5 к 1)

⁹⁵ Риер Я.Г. Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы (По археологическим данным): Автореф. докторск. дис. М., 1993. С. 26–27.

⁹⁶ См.: Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 236. Я не провожу в данном случае различий между свободными крестьянами и париками: хотя среди париков была шире прослойка бедных, плативших налоги по сниженной норме, зато был выше (почти вдвое) уровень государственной и частновладельческой эксплуатации деспособных парических хозяйств.

⁹⁷ М. Каплан полагает, напротив (без ссылок на источники или литературу), что Византия ввозила тогда зерно из “скифских” регионов Северного Причерноморья (Kaplan M. Les hommes... P. 398). Чрезвычайно интересное утверждение, имей оно хотя бы малейшие основания в источниках.

⁹⁸ Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 157–162.

⁹⁹ Karayannopoulos J. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. 322. 26–28; Schilbach E. Byzantinische metrologische Quellen. S. 59; Lefort J. Fiscalité... P. 320.

за 10 лет составит примерно 1200 модиев зерна, постольку рыночная стоимость 24 модиев следует определить в 100 номисм – по 4,166 номисмы за 1 модий¹⁰⁰, или в 4,166% и от рыночной цены участка и от стоимости урожая за 10 лет. Но это – тот же самый процент – 4,166, которым выражается норма обложения димосием пахотной земли!

И не только земли. Налог с пекаря в Константинополе в процентном отношении к его прибыли был установлен “Книгой Эпарха” также на уровне 4,166%¹⁰¹. В “Пире” этот процент налога обоснован так: чтобы с облагаемой им собственности получить доход, требуется сделать затраты, в отличие от той собственности, которая не требовала расходов и поэтому подвергалась вдвое более высокому обложению (8,32% от прибыли)¹⁰². Иначе говоря, и в деревне и в городе применялись некоторые общие исходные принципы определения фискальной и рыночной цены имущества и нормы исчисления налога, несмотря на огромные различия в условиях труда горожанина и земледельца.

Указывая на некоторые зависимости между ценовыми и налоговыми нормами, я полагаю, что отмеченные цифровые совпадения не случайны – они косвенно, на мой взгляд, подтверждают предложенные Кондовым показатели урожайности земли среднего качества (5 к 1) и наше предположение о вдвое большем плодородии земли высшего качества.

Все побуждает, таким образом, к выводу, что византийская налоговая система, которая была скоординирована с монетной, а также с единицами мер площади и веса, предусматривала и соответствующие общей метрической системе нормы урожайности земли. Византийский фикс не мог ставить под угрозу сохранение самого налогового тягла и официально ориентировать своих чиновников на взыскание с крестьянина больше того, что он был способен произвести¹⁰³.

Однако спорный вопрос об уровне эксплуатации разных категорий крестьян в Византии, который косвенно затронут мною в данной статье и недавно дважды основательно изучен М. Капланом и Н. Икономидисом, представляет все-таки особую тему, заслуживающую специального рассмотрения.

¹⁰⁰ Правовые определения об этом подобраны Н. Икономидисом (*Oikonomides N. T. Terre du fisc...* Р. 330–331).

¹⁰¹ Византийская книга Эпарха / Вступит. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 88.

¹⁰² См.: *Литаврин Г.Г.* Процент законной прибыли и процент налога с нее в XI–XII вв. // АДСВ. 1973. Т. 10. С. 39–43; *Он же.* Византийское общество... С. 299–233.

¹⁰³ А. Каждан, остановившись на этом вопросе специально, отверг, как кажется, справедливо развиваемую Капланом идею “блокированного общества” П. Лемерля и одобрил вывод Икономидиса о введении в Византии с конца IX в. системы квотированного налогообложения (см. его рец. на книгу М. Каплана: *Kazhdan A. One more...* Р. 80 sq.). Об устойчивости крестьянского хозяйства и его относительной самодостаточности см. также: *Lefort J. Rural Economy...* Р. 1.